

18+

ОЛЕГ АШИХМИН

**НАБЛЮДЕНИЯ,
ПОСТИЖЕНИЯ
И ПРИТЧИ
АРТУРА
ЛАПОВА**

РАССКАЗЫ

Олег Ашихмин

**Наблюдения, постижения
и притчи Артура Лапова. Рассказы**

«Издательские решения»

Ашихмин О.

Наблюдения, постижения и притчи Артура Лапова. Рассказы /
О. Ашихмин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555055-2

Скучные писатели это те, кто пытается что-то выдумать, удивить,
приукрасить. Не надо ничего выдумывать, жизнь лучший сценарист и
рассказчик. Как говорил Шекспир, умеете не смотреть, а видеть.

ISBN 978-5-00-555055-2

© Ашихмин О.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Фотография	7
Урок психологии	9
Карелин	11
По законам Гор	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Наблюдения, постижения и притчи Артура Лапова Рассказы

Олег Ашихмин

© Олег Ашихмин, 2021

ISBN 978-5-0055-5055-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я родился в семидесятые, а мужал в девяностые и это, наверное, диагноз. Мое поколение застало мощь великой страны и крах империи. Мы по-детски радостно вступали в пионеры, но осознано отвергли комсомол. Нас воспитывал двор и разговоры взрослых на кухне. Мы стали свидетелями зарождения капитализма в стране, а вместе с ним, появления рэкета, заказных убийств и бандитского беспредела, захлестнувшего города и посёлки. Во времена нашей юности обесценились СМИ, мы первые кто перестал верить газетам и телевизору. Мы, воспитанные на подвигах второй мировой, проскочили Афганистан, но увидели море крови в Чечне. На наших глазах разваливалась страна, нищали семьи, с безнадеги пили отцы, а матери бились в кровь, чтобы попытаться удержать привычный быт. Нам говорили, вы счастливики, жить в такое время! Перед вами все дороги открыты. Мы верили и готовились к свершениям, но у всех вышло по-разному. Хаос, который тогда царил кругом вошел и в жизнь каждого из нас. В тридцать я уже чувствовал себя на восемьдесят, так много нам пришлось увидеть и пережить. Каждый раз на вопрос, откуда ты, всегда вздыхаю, потому, что не знаю с чего начать. В разное время я жил, учился и работал в Сибири, на Алтае, в Москве, в Питере, в Ярославле и еще много где. Не Хемингуэй конечно, но для одной заурядной жизни вполне хватит. Срочную провел на Кавказе. И свои и «чехи» меня звали бандит, так неистово я защищал неделимость России. После успешно работал в кино, на телевидении, в туризме, в шоу-бизнесе, в журналистике, в рекламе и в профессиональном спорте. Попытки заработать на жизнь продолжаются. Свои записи я начал вести еще в те времена, когда в России мало кто знал что такое интернет и сотовый телефон, никто не бывал и не отдыхал за границей, в магазинах ничего не было, а что было, продавали по талонам. Это было не так давно, в начале девяностых, точнее, в начале лихих девяностых.

Фотография

Можете ли вы представить себе студента, который приехал из огромного города, где есть даже метро, в маленький сибирский городок, бывшую окраину царской России; который из-под крыла школы и родителей очутился в общежитии и всю зиму, лютую сибирскую зиму, проходил в осенних туфлях?

Именно так я и выглядел: зимние ботинки украла в общежитии, чужой город ещё не стал приветливым, полная свобода и безнаказанность, хроническое безденежье, гора проблем в универе, безбашенная общежития, короче, та ещё безнадёга. Одним снежным и слякотным днем конца зимы я брел на почту, чтобы получить денежный перевод от родителей – глоток воздуха на дне океана. На дворе было начало девяностых. Из дома особо помочь не могли, сами концы с концами еле сводили, впрочем, как и вся страна, тогда все мучились и выживали. После трех пар и бессонной ночи в общежитии, пятый курс обмывал Голы, мой мозг не воспринимал суету людей на улицах, на остановках и у бывших киосков «Союзпечати». Был включен «автопилот», конечная цель которого было окошечко на первом этаже почты. Никого и ничего не замечая, я вошел в здание, пропитанное канцелярским запахом. Пройдя через весь зал почты, я подошел к амбразуре, где было вытрафаречено наполовину стершимися буквами «До востребования». Я встал в очередь, и воткнул глаза в чью-то спину, которая была, может, белая, может, красная, а может, серая, мне было без разницы, какая она, я просто стоял за ней. На этой спине висело что-то приятного цвета. На этот цвет у меня почему-то включился разум и в глазах появилась резкость. Рюкзачок – вот что это было, ярко-малиновый с зелеными кармашками, блестящими замочками и с разбросанными повсюду синими кляксами, не похожими одна на другую. Подобные рюкзаки я видел дома по телевизору, в фильмах об американских тинэйджерах.

«Надо же, откуда он здесь», – подумал я, глядя на заморское чудо. Яркий рюкзак поистине выглядел чудом, среди плохо одетых людей в убогом почтовом зале.

Чисто машинально мои глаза взяли «средний план», в который попали шапка и пуховик обладателя рюкзака. Шапка-ушанка из черно-бурой лисы идеально сидела на голове.

Пуховик был тоже четко подогнан по фигуре, необычного темно-вишневого цвета с широким манжетом на поясе, придавая своему хозяину надутый вид. От всего увиденного мне захотелось увидеть его (или ее) ноги. Глазам, опущенным вниз, открылись зеленые с серым налетом джинсы, доселе нигде не виданные, и черные ботинки на толстой подошве с бляшкой на носке. Бляшка горела, отражая тусклые лучи ламп почты. Шапка вдруг повернулась, и на меня взглянули два глаза не очень красивого парня, ростом и возрастом примерно того же, что и я.

«Ну и чем ты заслужил такую роскошь?» – подумал я, глядя на свои убитые туфли. После прозы общежитийной жизни у меня выработалась какая-то непонятная злость ко всему благополучному. Вот тут-то я и понял, как в семнадцатом году народ похватался за колья, вилы и топоры. Нельзя злить народ. Сытыми проще управлять, да и сытому есть что терять, именно поэтому весь западный мир и живёт в таком достатке и стабильности. Я еще раз хотел посмотреть на парня, но шапка уже отвернулась.

«Интересно, кто ты, чей-то сынок?» – хищно подумал я.

До моих ушей донеслась английская речь, по всей вероятности исходившая от «дорого» парня.

«А, так ты иностранец», – понял я причину столь дорогой и хорошо подобранной одежды.

На пол из его кармана что-то выпало и с пластмассовым стуком очутилось у моих ног. Я нагнулся и подобрал. Это были водительские права – маленькая ламинированная картонка в пластмассовой рамке. С цветной фотографии мне улыбался американец, стоящий впереди.

– Возьми, – аккуратно тронул его за локоть, сказал я.

– Оу! Сэнькю! – широко улыбнулся тот, и отвернулся.

Я с секунду постоял, глядя в затылок ушанки, потом взглянул на черно-белую фотографию в своем паспорте и вышел на улицу. Напротив почты пытался закрыть двери троллейбус, набитый людьми.

1993

Урок психологии

Психологию у нас в университете читали на четвертом курсе. На первой же лекции преподаватель, типичный представитель Томской интеллигенции: в очках, с бородкой и в непроглаженных штанах, заявил, что нам, будущим журналистам, психология чрезвычайно необходима, так как нам предстоит работать с людьми, и от того, насколько быстро мы сможем разобраться и подобрать ключи к тому или иному типу людей, будет зависеть итог нашей работы. Впрочем, спорить мы не стали, к тому же препод оказался милейший дядька. Знал отлично свой предмет и многому научил. На каждой его лекции всегда был аншлаг. На психологию собирался весь поток, и, если нужно было кого-то найти из параллельной группы, смело можно было идти к расписанию и смотреть, когда психология. На лекцию нужный человек являлся железно. Занятия у Владимира Анатольевича Сурикова мало походили на классические университетские лекции и практики. Это было нечто среднее – теоретические выкладки с практическими разборами на примерах, приближенных к обычным житейским ситуациям, причем все это было в качестве диалога. На его лекциях мы много общались, спорили, постоянно играли во всевозможные игры, тестировали друг друга. Преподаватель моделировал нам различные ситуации, конфликты и прочее столкновение интересов, и мы, каждый по-своему, пытались разубить тот или иной «гордиев узел», а звонок с урока Сурикова вызывал, как правило, только сожаление и огорчение. Каждое занятие Владимир Анатольевич заканчивал одной и той же фразой:

– Ну, мои дорогие будущие интеллигенты, встретимся в следующий раз, – причем всегда было непонятно, издевается он над нами или шутит по-доброму.

Однажды, во время лекции, посреди очень бурного обсуждения, дверь в аудиторию открылась, и весь поток замер от неожиданности. В дверях стоял грязный, заросший бомж. Лично я оцепенел от мысли, как он сюда попал? Владимир Анатольевич, как человек интеллигентный, не подал и виду и попытался продолжить обсуждение. Но не тут-то было. «Гость» окинув всех мутным взглядом, произнёс:

– А, вы кто? – потом качнулся и добавил. – Чё тут делаете?..

Последнюю фразу он произнёс очень грозно. Владимир Анатольевич опешил, сел за свой стол и глупо заулыбался. Видимо, даже он не мог предположить такого поворота событий. В аудитории встала гробовая тишина. Бомж, воспользовавшись моментом, «расправил крылья» и, сделав, покачиваясь, два неуверенных шага вперёд, ещё раз окинул всех мутным взглядом и дерзко спросил заплетающимся языком:

– Кто такие?

Аудитория зароптала.

– Ой, мамочки, он же пьяный, – испуганно прошептал кто-то из девчонок.

Бомж внимательно посмотрел на преподавателя.

– Уважаемый, вы что-то хотели? – всё так же глупо улыбаясь, неуверенно спросил Владимир Анатольевич.

– Уважаемый, – огрызнулся бомж. – Я тебе щас, падла, покажу, что мы хотели, – совсем дико произнёс бомж и направился к столу преподавателя. Вся аудитория застыла в ужасе и страхе. Про то, как напугались девчонки, и говорить не стоит. Что касается меня, то я не испугался, я просто был убит таким вероломством. Такой наглости я в жизни ещё не видел. Как в кошмарном сне, бомж медленно, или это, может, так казалось, направился к незащитному и уже успевшему побледнеть Владимиру Анатольевичу, который все так же глупо улыбался. Быстрее всех из «комы» вышел Виталик. Мой одноклассник, лучший друг и товарищ на все времена. Санкин, а именно так, по фамилии мы все его звали, быстро подбежал к столу и плотным ударом в лоб сбил бомжа с ног.

– Сейчас я тебе покажу, кто мы, – сказал Санкин и, взяв «нарушителя спокойствия» за шиворот и рукав грязного полушубка, рывком поставил на ноги.

– Ты че... – попытался огрызнуться бомж, но в этот момент Виталик уже выводил его в коридор и, в дверях, специально шибанул его об косяк. Удар пришелся кстати.

– Все, все, начальник, я больше не буду. Кончай, командир.

Санкин закрыл дверь и, видимо, для профилактики еще раз приложился, шибанув бомжа об косяк, но уже с другой стороны. Я облегченно вздохнул и про себя подумал, вот что значит жизненный опыт. Виталик был постарше нас. В университет поступил не с первого раза, был тертый калач и кое-что в жизни видел. Не окажись такого парня среди нас, и неизвестно чем бы все закончилось.

Весь поток из шока вывел все тот же Виталик, вернувшись в аудиторию как ни в чем не бывало.

– Я его охране отдал. Он, оказывается, сегодня ночевал в нашем корпусе, точнее, в подвале. Сейчас охранники выясняют, как он вчера попал в здание, – улыбнувшись, «доложил» Виталик и сел на свое место.

– Виталий, не переборщили ли вы? – вместе со всеми выходя из оцепенения, неуверенно спросил Владимир Анатольевич. В его вопросе чувствовалось и недовольство.

– Думаю, что нет, – спокойно ответил Виталик, а аудитория тем временем осуждающе загудела.

– Можно было и полегче, – набравшись смелости, заявил кто-то из верхних рядов.

Виталик растерянно обернулся и начал искать взглядом того, кто это сказал. «Гуманист» себя не выдал и, в общем-то, конфликт на этом был исчерпан.

«Коротка у людей память», – подумал я, и, повернувшись к Санкину, сказал:

– Вот уж воистину, не делай добра – не получишь зла. Не обращай внимания.

Виталик ухмыльнулся и, соглашаясь, покачал головой.

«Никогда нельзя демонстрировать свою силу явно. Толпа всегда осудит. Все ведь такие благородные за чужой счёт...», – мелькнуло у меня в голове, прежде чем, собравшись с мыслями, Владимир Анатольевич попытался продолжить лекцию, но того энтузиазма и желания, которые были до «вторжения», уже не получилось.

– А давайте обсудим и разберем эту ситуацию, – неожиданно предложил он, но в этот самый миг прозвенел звонок. Тот урок я запомнил на всю жизнь.

1994

Карелин

*Если ты был трудолюбив и упорен,
если преодолел страх и перетерпел боль,
то удача обязательно улыбнётся.*

А. Карелин.

В этой истории я не ручаюсь за точность дат, правильность названий городов и стран. Могу перепутать хронологию событий и имена её участников, что-то приукрасить, или, наоборот, о чём-то умолчать и не потому что пренебрегаю фактами, а потому что слишком запомнилась мне эта история, которую давным-давно рассказал мне Александр Карелин – великий спортсмен, успешный бизнесмен, яркий общественный деятель, доктор наук, семьянин и патриот земли русской, настоящий колос, герой и соль земли.

В этой истории важна сама история.

Дело было на чемпионате мира в 1991 году, после развала Союза и накануне Олимпийских игр в Барселоне. Карелин не проигрывал ни одной схватки целое десятилетие и на всех мировых форумах греко-римской борьбы за ним были вечно вторые, вечно третьи, четвёртые, пятые, те, кому никогда не светило стать чемпионами, пока на ковёр выходит русский богатырь, любимец всей страны – Саша Карелин. На любых турнирах с его участием всегда был аншлаг. Переполненные трибуны во всём мире хотели увидеть легенду воочию, ну и если вдруг произойдёт невероятное, то и поражение русского медведя. Безусловно, Карелин об этом знал, и каждый раз выходя на помост, он боролся не только с соперником, но и со всем миром за честь своей страны.

Тот чемпионат мира проходил где-то в Европе, и на него первая сборная уже российских борцов греко-римского стиля приехала без доктора. Нонсенс, сборная на чемпионат мира приехала без врача, потому что доктор, который много лет работал с советскими классиками, был белорус и после развала Союза на чемпионат поехал в составе сборной Белоруссии.

В полуфинальной схватке, а Карелин в ней вёл с большим отрывом по очкам, и всё шло к досрочной победе, в один из редких контрвыпадов соперник знаменитого сибиряка головой проломил ему рёбра.

– Я даже боли не почувствовал в пылу поединка, – рассказывал Сан Саныч, – Продолжаю бороться, уверенно иду к финалу, а тут чувствую, что слюна во рту горчит, думаю, наверно, сломанные рёбра в печень воткнулись. Я, конечно, схватку доборолся, победил, спокойно с ковра ушёл, а сам думаю, что завтра-то делать, утром финалы.

Ночью стало совсем плохо. Боль адская. Доктора нет, за помощью обратиться не к кому, да и опасно. Если узнают про рёбра, или с соревнований снимут с почётным серебром, или соперник построит утром поединок так, что весь акцент и все приёмы будут на повреждённые рёбра. Сидим всю ночь с тренером в моём номере, что делать, не знаем...

Утром выходим на завтрак, а моего соперника по финалу шведа Юхонсона уже все поздравляют, шила в мешке не утаишь, про мою травму уже все знают, король Швеции должен прилететь на финал, чтобы увидеть триумф шведского борца в самой престижной весовой категории. Спокойно завтракаем и отправляемся на стадион. Там, биток народу – финалы. Что делать, как бороться? Мне идти-то больно, каждый шаг и каждый вздох в печень отдаёт, а тут размяться нужно да ещё бороться с парнем, который под сто тридцать килограмм. От безысходности, мой тренер обратился к доктору сборной Германии, нашему бывшему соотечественнику из поволжских немцев, Сергей, по-моему, его звали. Немцы уже все повывлетали и туристами с трибун смотрели борьбу. Тот ко мне подходит и говорит:

– Саня, я тебе вколю анестезию, но действовать будет всего пять минут. На четыре минуты боль снимет точно. И на разминку и на схватку однозначно не хватит, поэтому размяться ты должен будешь сам. Перед выходом на ковёр я тебя кольну.

Приходит время поединка, я через маты, через слёзы разминаюсь, боль нестерпимая, но держусь, знаю, что после укола полегчает. Подходит врач, вкалывает мне маленький укольчик прямо в гематому, я выхожу на ковёр и за две минуты кладу шведа на лопатки. Он вскакивает после свистка судьи и на английском на весь манеж начинает орать, что русские обманули, что не может человек со сломанными рёбрами так бороться. После, уже с медалью, подходим с тренером к доктору немецкой сборной, чтобы поблагодарить, и я у него спрашиваю, что он мне вколол. Что за чудо-препарат?! А он улыбается и говорит:

– Сань, да купил я тебя. Я тебе вколол витамины. У тебя рёбра сломаны, какое тут обезболивающее может помочь, когда у тебя гематома на пол живота!

Такая вот история.

Александр Карелин трижды был Олимпийским чемпионом, больше десяти раз выигрывал чемпионаты мира и Европы, легендарный борец, так приучил всех к своим победам, что люди, далёкие от спорта каждый его титул принимали как должное, наивно полагая, что, видимо, Карелин понял в борьбе нечто такое, до чего другие ещё не догнали, отсюда и все его победы. И только когда Сан Саныч проиграл в двухтысячном году финал в Сиднее на своих четвёртых Олимпийских Играх, только тут-то и стало всем ясно, что Карелин – это обычный человек, которому каждая медаль и каждая победа доставалась потом и кровью.

Кстати, на той Олимпиаде рухнул последний символ большой могучей страны под названием СССР, олицетворением которой и был Карелин. Богатырь из Сибири, сделавший греко-римскую борьбу популярной во всём мире.

После проигранного финала, пошли слухи, что Карелин финал продал. Называлась даже сумма в десять миллионов долларов. Слухи муссировались в около спортивных и журналистских кругах, но, что-то конкретно утверждать никто не решался. На одной из пресс-конференций кто-то попытался намекнуть, дескать, Александр Александрович, а, вы могли бы проиграть за деньги?

В зале повисла гробовая тишина.

Карелин окинул всех тяжёлым взглядом и спокойно сказал:

– Нас воспитывали так, что мы перед соперником не можем встать даже на колени..., а вы говорите проиграть.

2011

По законам Гор

Объявить войну и ввязаться в неё, дело не хитрое. Намного сложнее понимать за счет чего, ты её планируешь выиграть. Какими ресурсами обладаешь и как ты их планируешь использовать.

К началу войны в Чечне весь рынок наркотиков в России принадлежал чеченцам. Диаспоры на местах, демонстрируя железную дисциплину и звериную жестокость, зачищали конкурентов, завозили и распространяли запрещенные вещества во всех российских городах больших и малых. Барыжили коксом, героином, травой, таблетками, а деньги отправляли на родину, на войну. Это была серьезная подпитка для боевиков, террористов и прочей нечисти мятежной Чечни. На эти деньги покупалось оружие, платились зарплаты борцам за независимость Ичкерии, на эти же деньги покупалась информация и разлагалось Российское офицерство. Но не всё. Умные люди на Лубянке к девяносто шестому году смекнули, что если искоренить и разрушить чеченскую наркомафию в стране, то бандиты на Северном Кавказе лишатся серьезных источников дохода, а значит, меньше пацанов вернутся домой в цинковых гробах и меньше матерей сойдут с ума от неуёмного горя.

Фэйсы провели ряд совещаний с ГРУ и МВД, и без громких слов с телевизора, не афишируя своих намерений, без лишнего шума в стране объявили войну наркотикам. За полгода вопрос был почти решен. На местах люди действовали жёстко и пленных не брали. И надо же такому было случиться, что когда все каналы и наркотрафики были прикрыты, а тем, кому повезло остаться живыми при задержаниях и спецоперациях сидели по тюрьмам, Лебедь поехал в Хасавюрт и подписал мир. Армия его проклинала, а мы, молодые пацаны, матёрые срочники, хлебавшие на Кавказе через край, были счастливы и рады вернуться домой.

Вывод войск из Чечни – это было ещё то шапито! Нас нигде не ждали, ничего не было подготовлено, никто ничего не планировал заранее, кругом царил хаос и неразбериха, будто войска на Кавказ вводили, а не выводили. Видимо большие пагоны решили, что мир подписали и дальше, огромная, многотысячная армия по взмаху волшебной палочки быстренько окажется в своих городах и гарнизонах. Расскажу, лишь один эпизод и все поймут масштаб «бедствия»!

Мы всем отрядом в сто двадцать человек, со всем оружием, в бронезилетах и разгрузках, не бритые, с заросшими лицами, в маскхалатах, с калашами в руках, гражданским! бортом!! долетели из Моздока в Москву!!! С нами летело много горцев и для них наши стволы и пятнистые камуфляжи были как само собой разумеющееся. За годы войны люди привыкли к военным, к форме, ну а оружие на Кавказе – первая игрушка для новорождённых. Жаль, что мы этого не знали, когда туда ехали... Так вот, прилетев в Москву, мы еще сутки торчали и слонялись в аэропорту Домодедово, ждали своего рейса до Новосибирска. При виде нас обычные люди бледнели, шарахались и обходили стороной. Только тут мы все поняли, что это была наша война, а для всех остальных, это был сериал по телику, который в реальной жизни никого не касался. Вся страна жила своими заботами. В аэропорту люди были красиво одеты, говорили по телефонам, смеялись, летели в отпуск и командировки, встречали родных, обнимались, целовались, радовались встрече, прилетали отдохнувшие, посвежевшие загорелые люди из-за границы, красивые девушки в солнечных очках, соломенных шляпах, в цветастых ярких платьях и сарафанах, загорелые, молодые, с ними парни, молодые, успешные... А я после войны еще год ночью ползал по полу в своей комнате, всё искал каски и бронники. Мать целый год почти не спала, всё меня караулила... Помню тогда в Домодедово первый раз кольнуло под сердцем, словно холодным ножичком, первый раз тогда накатила обида от несправедливости, первый раз там, в аэропорту я понял, что мы и впрямь в Чечне были брошены и забыты, будто это только нам нужна была сильная и неделимая Россия, только нам нужно было её отстоять.

– Парни, с вами огромная страна! За вами следит вся Россия! – говорили нам командиры, – Вы воюете за свою Великую Родину! – подпевали вчерашние замполиты, а мы воевали друг за друга. Пацаны стоят насмерть, и я стоять буду! И плевать было на то, что говорили офицеры по работе с личным составом. И накачки их были не нужны, потому, что все хотели вернуться домой живыми, а выжить можно было, только если всё делать толково, солидно, всем вместе и друг за друга. Мы не воевали против чеченцев, хотя обид и ненависти на бордатых накопилось у нас не мало, да и у них на нас тоже. Мы воевали друг за друга. И они друг за друга. Страшное дело война.

Тогда, в аэропорту я, конечно, помрачнел, даже зубами заскрипел, все мы уже к тому моменту с башкой не дружили и заводились с полпинка, но мысль, что я живой еду домой, меня остудила и вдруг такая волна счастья накатила, вдруг в Домодедово до меня дошло, что моя война закончена, моя командировка на Кавказ завершилась, я живой и невредимый, на своих ногах, в Москве! Я еду домой! Теперь впереди целая жизнь! Да провались всё оно пропадом, и то, что было, и все несправедливости и обиды, гори оно всё синим пламенем! Это теперь такая ерунда по сравнению с тем счастьем, которое меня ждет впереди! Мама, отец, родной город... Я сиял. Пацаны сияли тоже. Видимо до нас одновременно начало доходить, что всё, всё закончилось!

Наш командир отряда майор Филатов договорился с комендантом аэропорта, чтобы нам выделили какое-нибудь место, ну или хотя бы угол, мы ведь все-таки были с оружием. Комендант, конечно, побледнел и прифигел, когда подошел к нам и увидел целый отряд спецназовцев с автоматами, пулеметами, снайперскими винтовками, все загорелые, с дублёнными затылками, меньше сотки никто не весил, все как один в выцветших на чеченском солнце комках и масхалатах, все заросшие, с суровыми колючими взглядами. Столько стволов в одном месте, он наверно в жизни не видел, хотя и был военным и тоже майором, как наш командир.

– Вы, это, – чуть не заикаясь, обратился он к Филатову, – Вы по аэропорту не ходите, людей не пугайте, – сказал он, – Сейчас следуйте за мной, в противоположной части аэропорта есть большая рекреация, там ремонт будут делать, но еще не начали, всё еще чисто, вот там и разместитесь.

– Отлично, – сказал наш командир и быстро построившись, взяв оружие, бронники, сферы, рюкзаки и армейские сумки, мы двинулись за комендантом, который испытывал крайнюю неловкость и перед гражданскими и перед нами. Он потел, суетился, а мы, наводя на окружающих ужас своим видом, спокойно шли, переговаривались, шутили и разглядывали людей. Всех вдруг отпустило и всё стало абсолютно фиолетово. Мы шли строем, но пофигизм из нас просто сквозил. Мы светились спокойствием и счастьем. Нас не смущало, что мы на полу в какой-то рекреации будем спать ночью, никто не заморачивался, что мы эти сутки будем есть, ни пайков ни довольствия с нами не было, деньги точно были не у всех, а потеющий от неловкости комендант вряд ли сможет проявить волю или смекалку, чтобы выбить где-нибудь нам харчи. Это только люди прошедшие войну, везде найдут, где поесть и с кем выпить! Гроыхая берцами и бряцая оружием, мы были такими счастливыми, что никто и ничто не могло омрачить нашего настроения. Мы были живы, и мы едем домой! Что может быть прекрасней!?

Угол, куда нас привел комендант аэропорта, был большой, чистый, сухой и безлюдный. Мы сложили оружие в одно место, Филатов выставил охрану, все, кто, где захотел расселись и разлеглись, через какое-то время появилась еда, водка, офицеры ели и выпивали своей компанией, мы тоже разбрелись и расселись по кучкам, пили, ели, говорили тосты, всё тихо, солидно, по-военному организовано. Кто-то может удивится, как? Офицеры пили с подчиненными? Да пили, потому, что такой пуд соли вместе съели и если бы даже кто-то перебрал и начал безобразничать, его так же тихо, солидно, без замечаний старших, успокоили, уложили спать и приставили охрану.

На полу, в углу мы провели сутки. Выпивали, радовались что едем домой, что живы, делились планами, дембеля в скором времени должны были отправиться по домам, нам еще предстояло послужить, кому полгода, кому год, но это был уже санаторий, родная часть, знакомый плац, родная располага, любимая армейская койка, а не нары и ледяные горы в Чечне. Армия без войны – это пионерский лагерь. Все были в хорошем настроении, сильно никто за эти сутки не напился, всё было чинно, солидно, спокойно. Пришло время готовиться к отлету, оставалось чуть меньше часа до нашего рейса. За нами пришел комендант, мы быстро собрались, построились, взяли стволы, вещи и строем отправились к стойкам регистрации. Только когда у нас уже начали принимать посадочные талоны, кто-то из сопровождающих рейс сказал, что с гранатами в самолет нельзя.

– Но, мы же с ними из Моздока сюда как-то прилетели, – с улыбкой сказал Филатов, – Мы же их не в аэропорту купили, – улыбался наш командир, надеясь, что его обаяния хватит, чтобы разрулить ситуацию.

– Исключено. С гранатами в самолет нельзя, – отрезал комендант.

Филатов секунду на него посмотрел, еще секунду подумал, затем окинул нас всех взглядом и, сняв с коменданта фуражку, вытащил из разгрузки две гранаты, положил их в фуру и сказал:

– Держи майор крепче, сейчас тебе мои братишки полные штаны их насуют.

Мы заржали, Филатов пошел по рукаву в самолет, а мы начали вытаскивать гранаты, складывать их в фуражку коменданта, на стойку регистрации, затем их стало так много, что они начали выпадать из рук бледного майора и скатываться со стойки, подскакивать на бетонном полу у ног несчастного коменданта, который и без того был в глубоком шоке, не говорил ни слова, стоял в оцепенении, бледнел, потел, подбородок трясся, в глазах мольба... Сопровождающие и отправляющие нас на рейс сотрудники аэропорта, увидев, что гранаты подскакивают и катаются по полу, как горох, в панике разбежались и привели наряд ментов. Те офигели от сложившейся ситуации, и от того, что мы все с оружием и через одного бухие. Менты принесли какую-то сумку, мы сложили гранаты туда и с чувством гордости за нашего решительного и геройского командира, а в Чечне он эти качества демонстрировал не раз, в прекрасном настроении, ощущая свою избранность и непобедимость в любой ситуации, прошли в самолет.

После суток проведенных в аэропорту, в самолете все спали. Четыре часа полета промелькнули незаметно. В аэропорту, в родном Новосибирске нас ждали пять кунгов. Мы загрузились, расселись и приехали в часть.

Нас встречал весь полк. Все построились на плацу.

– Разоружаемся, чистим и сдаем оружие, офицеры по домам, солдаты в баню, затем ужин. Встречи с родственниками и увольнения начнутся с завтрашнего дня. Всех благодарю за службу! – скомандовал Филатов и мы от души трижды прокричали Ура!

Два дня нас никто не трогал. Спали, ели, кто хотел, ходил в тренажерный зал погреть железом или побить грушу. На третий день, это был понедельник, за обедом, в столовую забежал молодой боец и истерично заорал:

– Тревога, тревога пацаны, бегом получать оружие!

Никто не двинулся с места. Для нас, псов войны, это было смешно и нелепо: тревога, в части, в четырёх тысячах километров от Чечни, вы серьезно?

Все продолжили обедать. Вдруг из кухни выбежал начальник столовой и четко и внятно произнес:

– Бойцы, тревога не учебная. Быстро в свое расположение, вооружаться и строится.

Тут конечно мы все соскочили, задвигались стулья и столы, обеденный зал наполнился шумом, топотом, грохотом, криками, матом и мы как стадо бешенных мамонтов бегущих напролом, помчались в свою располага, где находилась наша комната хранения оружия – «КХО», на армейском языке.

Через двадцать минут, мы ехали вооруженные до зубов в тех же кунгах, которые встречали нас в аэропорту. Филатов ехал с нами. Переговаривался с двумя взводными. По обрывкам фраз было понятно, что до конца никто не знает, куда мы и зачем едем. Все подорвались по тревоге и были в легком недоумении.

Три наших кунга остановились, выдохнув тормозами.

– Выгружаемся, – скомандовал Филатов, и первый спрыгнул на асфальт.

Какое-то двухэтажное здание было оцеплено милицией. Неподалеку от нас стояли два автобуса, на которых приехал СОБР и ОМОН, в общей сложности человек пятьдесят. На одной из крыш соседнего дома я увидел как бликанула оптика.

– Значит еще и снайпера на крышах. Что же здесь такое? Точно не учения, лица у всех слишком напряженные, – подумал я и посмотрел на командира.

– Рассредоточится, – скомандовал Филатов и куда-то пошел с одним из наших взводных.

Филатова не было минут десять. В одном из автобусов был организован мобильный штаб. Там уже находилось всё городское и областное начальство МВД, командиры СОБРа и ОМОНа, люди в серых костюмах, наш Филатов был последний, кого ждали на этом «совещании».

Оказалось, что пять часов назад, то есть утром, недалеко от этого места, где мы все находились, гаишники остановили машину. Водитель, крепкий бородатый чеченец, не смог предъявить ни одного документа, ни на себя, ни на машину. Гаишники приказали открыть багажник, а он предложил им тысячу долларов. На удивление, гаишники отказались. Он предложил две. Когда предложил пять, словно почуяв недоброе, гаишники его скрутили, заковали за спиной руки браслетами и лицом вниз уложили на асфальт рядом с машиной.

Открыв багажник, дорожные инспекторы опешили. Там лежало два автомата Калашникова, гранатомет и пять килограмм белого парашка в упаковках по одному кило. – Героин, – предположили инспекторы, и, поняв какую рыбу они поймали, открытым текстом на милицейской волне вызвали наряд.

Бородача и машину со всем содержимым тут же доставили в РОВД Октябрьского района, которое находилось в двух минутах езды от места задержания. На этом, история должна была бы закончиться, но в течении получаса, к РОВД подъехали пара десятков джипов с загорелыми бородатыми людьми. Чеченцы сначала предложили деньги начальнику отделения, чтобы тот отпустили их земляк, он естественно отказался, затем они потребовали, начали его пугать, угрожать семье, а потом просто открыли стрельбу по отделению и это среди бела дня, в двух-миллионном городе, после подписания Хасавюртовского мира!

Все сотрудники милиции, которые находились в отделении, забаррикадировались, открыли ответный огонь и вызвали подкрепление. Перестрелка длилась не долго. К РОВД начали подъезжать начальники, милиция, спецподразделения, а само здание взяли в оцепление. Чеченцы никуда не уходили и не уезжали. Ждали «старших», чтобы поговорить с теми, кто принимает решения и чья голова может реально полететь с плеч, если ситуация усугубится. Видимо, настолько важен был задержанный человек для чеченцев, что ради него они поставили на карту всё и не побоялись открыть стрельбу практически в центре города.

К РОВД подъехали журналисты. Руководитель оперативного штаба попросил их пока ничего не снимать и никуда не передавать. Пресса и телевизионщики с пониманием отнеслась к просьбе, так как ситуация была и впрямь запредельная.

Когда Филатов вошел в автобус и его вкратце посветили в детали происходящего молчаливое, гнетущее противостояние длилось уже минут двадцать.

Филатов выслушал, немного подумал и сказал:

– Давайте, я попробую договориться. Я знаю, как с ними общаться, мы два дня, как оттуда.

– Ну, майор, если всё обойдется без единого выстрела, то коли дырочку на груди и готовься получить подполковничьи пагоны. Слово генерала, – сказал начальник областного ГУВД.

– Мы постараемся, – улыбнулся Филатов и направился к нам.

– Ну, что скучаем, бойцы, – обратился к отряду командир, – Чего такие хмурые!?! – и мы тут же загалдели, – Никак нет, товарищ майор, все отлично, бодрь, готовы служить России и спецназу! – понеслось со всех сторон.

Чеченцы, услышав бодрое многоголосье, повернули головы в нашу сторону и о чем-то поговорили. Они знали, кто мы, знали, что мы недавно оттуда. Хоть Кавказ был и Северный, но южный загар на доброй сотне парней и выгоревшие камуфляжи на палящем солнце, трудно было не заметить.

– Всем построится, – скомандовал Филатов.

Мы быстро встали по своим местам и подравнялись.

– Со мной идут Петя снайпер и Гера Машина. Всем остальных стоять и ждать моих распоряжений.

Петя с Герой вышли из строя, и пошли чуть сзади за командиром.

Во время боевых действий командир всегда должен ходить в сопровождении снайпера, мало ли что, да и в оптику всегда можно что-то посмотреть, разведать, прикинуть. Геру Филатов видимо взял для устрашения. Машина был контрактник, опытный здоровый боец. Самый здоровый в нашем отряде.

Филатов подошел к чеченцам. Он хорошо знал законы Гор. Не зря он полтора года провел в Чечне, участвовал в первом штурме Грозного, был в Бамуте, и в Шали, гонялся за бандами в Аргуне. Филатов знал, что чеченцы понимают только силу. Знал так же, что всегда разговаривать нужно только со старшим. В любом сообществе чеченцев, всегда есть самый главный, самый авторитетный и уважаемый человек, которого все послушают и подчинятся.

– Добрый день, уважаемые, – спокойно подошел Филатов и улыбнулся, – Кто старший, с кем могу говорить?

– Со мной можешь говорить, – вышел вперед взрослый чеченец лет сорока пяти.

Филатов окинул его взглядом.

– Значит так, на нашей стороне закон, мы при форме, при документах и при оружии. Перевалим вас, как голубей в тире за две минуты. За это я получу орден Мужества, – Филатов ткнул себя пальцем в грудь, – А мои пацаны, – командир головой кивнул в сторону отряда, – Получат внеочередной двухнедельный отпуск. У вас пять минут, чтобы отсюда уехать.

Филатов развернулся и, не прощаясь, в сопровождении Пети и Геры, вразвалочку пошел к нам.

Чеченцы собрались в круг, о чем-то поговорили на своём, завели машины, сели и уехали.

Филатов не получил ни пагонов, ни Ордена. Эту историю быстро замяли, так как слишком вызывающей она была. Мы все спокойно дослужили и просто боготворили своего командира. То, что он тогда сказал чеченцам, были слова настоящего мужика. Без угроз, без понтов, четко и ясно. Чеченцы поняли, что если этот человек говорит, то так оно и будет. Поэтому лучше убраться подобру-поздорову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.